

Библиотека Анархизма

Антикопирайт

21 мая 2012

AF

Делают ли профсоюзы нас сильнее?

**Синдикализм:
критический анализ**

AF

Делают ли профсоюзы нас сильнее?

Синдикализм: критический анализ

1998

Статья из трех частей из журнала Anarchist
Federation «Organise!» #46, 47, 48 (1997 — 98)

На русском опубликовано в журнале «Максималист» №3

Созранено 7 февраля 2012г. из revsoc.org

1998

Оглавление

Часть 1	5
Теория и практика	5
Истоки	6
Политические меньшинства	7
Анархо- и революционный синдикализм	9
Мексиканская Революция — Каса дель Обреро Мундиаль	11
Большевизация и «конец массового синдикализма»	13
Рабочие Советы	15
Часть 2 — Испанская Революция — Конец	
Анархизма?	17
Испанская Революция	17
Провал анархистов	19
ФАИ	19
Во время Второй Мировой Войны и после	21
Синдикализм сегодня	22
Часть 3 — Анархо-синдикализм и организации	
рабочей борьбы с точки зрения либертарного	
коммунизма	25
Самоорганизация рабочего класса и постоянные	
экономические организации	27
Вырождение	27
Роль революционеров	30
Спонтанность	30
Вывод	31

дей на рабочем месте и вне его. Мы приветствуем дальнейшее обсуждение в этой области.

Часть 1

Несмотря на советы наших критиков, ACF (AF до 1994 года называлась Anarchist-Communist Federation) никогда не критиковала синдикализм, включая его анархистскую разновидность, — это «отличительная черта» (см. «Black Flag» #211) нашей политики. В мировом «рабочем движении» доминировали социал-демократические идеи и социал-демократическая практика, которые полностью интегрировались в капитализм, но наши атаки были сосредоточены не на сравнительно небольшом синдикалистском движении и «альтернативных» профсоюзах. Скорее, наши аргументы были направлены против профсоюзного движения и *поддерживали* борьбу, организованную самим рабочим классом.

Однако анархо-синдикализм остается самым массовым течением внутри анархизма, ориентированного на классовую борьбу, и находится в состоянии возрождения, несмотря на многочисленные расколы и противоречия в международных организациях. Поэтому сейчас подходящее время сделать критический анализ теории и практики синдикализма.

Теория и практика

Вместо того чтобы разделять теорию и практику, мы попытаемся показать, как деятельность различных синдикалистских движений приводилась в движение теоретическими принципами и политическими влияниями, действующими на него. Синдикализм обвиняли в «аполитичности» и, в самом деле, некоторая *анти*-политичность была главной особенностью синдикалистских организаций. Это только половина истории,

которая, однако, ещё не учитывает тот факт, что синдикализм оказывался под влиянием многих политических течений, и не только анархизма, не следует забывать также о влиянии реформистского социализма (особенно в случае французской ВКТ), национализма (итальянская UIL), и даже монархизма (монархо-синдикализм в начале века во Франции)!

Истоки

Сначала мы должны обратить внимание на истоки синдикализма. «Синдикализм» — это просто французское слово, означающее «профсоюзное движение». Во Франции существовал массовый синдикат (или профсоюз) — Всеобщая Конфедерация Труда (ВКТ), образованный в 1895 году, он и дал «синдикализму» то значение, которое используется сейчас. ВКТ была боевой, децентрализованной организацией, вначале скептически относившейся к участию в парламентских выборах и рассматривавшей рабочее место как передовую классово-войны. Когда такая тактика развилась в других странах, активисты сознательно использовали термин синдикализм, чтобы отличать себя от откровенно реформистских, социал-демократических профсоюзов. Синдикалистские союзы начали становиться существенной силой за десять лет до Первой Мировой войны — как отражение происходившей классовой борьбы и результат усилий сознательного «политического» меньшинства, критикующего «социалистический» парламентаризм. Ранний синдикализм был далек от политической или организационной однородности. Во многих странах, синдикалистское движение развивалось, сознательно пытаясь организовать тех рабочих, которых игнорировали устоявшиеся социал-демократические профсоюзы, особенно, неквалифицированных рабочих и им-

возможного «всеобщего» профсоюза, такие координации могут быть средством для построения революционных групп на рабочем месте, которые бы связывались с активистами в местном и в более глобальном масштабе. Такие группы могут пропагандировать, организовывать группы сопротивления, вмешиваться в борьбу и убеждать в преимуществах самоорганизации в любое время. С развитием борьбы эти сети могут координировать действия и стимулировать создание забастовочных комитетов и комитетов борьбы, неподконтрольных профсоюзам. Когда борьба закончится, эти группы поддержат организованное присутствие, соберут вместе активистов для дальнейшей борьбы. Такие группы могут быть связаны — не как структуры профсоюзного типа, но как части целого — с такими же революционными организациями и местными либертарными движениями. Увеличивающееся количество активистов из рабочего класса находится в поисках альтернатив. Синдикализм является готовой альтернативой профсоюзам.

Вывод

Как мы установили в первой части статьи «Синдикализм: критический анализ», анархо-синдикализм находится в состоянии возрождения в мировом масштабе. Наряду с крушением «реального социализма» (то есть государственного капитализма в СССР и его социал-демократических/ленинистских защитников). Что мы хотели бы сделать нашей статьёй, так это вызвать критическую дискуссию о том, является ли синдикалистская (включая анархо-синдикалистскую) модель движением вперёд в борьбе. Мы верим, что это не так и что либертарии должны серьёзно задуматься над вопросом организации лю-

Роль революционеров

Итак, если мы отвергаем идею построения «альтернативной», синдикалистской профсоюзной структуры, что может посоветовать АСФ, когда придёт в организацию на рабочем месте? В некотором смысле, на этот вопрос отвечает опыт борьбы рабочего класса. Во времена подъёма — промышленного или общественного — рабочий класс развивает организационные формы, чтобы бороться за свои интересы. Наиболее очевидный пример этого — Советы Русской революции; Советы Германской и Итальянской революций; советы Венгерской революции; комитеты действия во Франции в 1968-ом; и бесчисленное количество других. Координационные комитеты французских рабочих в 1980-е и 1990-е, COBAS в Италии в этот же период, забастовочные комитеты шахтёров Донбасса на Украине и т. д. Эти «спонтанные» организации рабочего класса также могут стать бюрократическими/упадочными (подумайте о судьбе Советов в «Советском» Союзе!), но, обычно, они исчезают, когда решается задача, которая их породила.

Спонтанность

В отличие от некоторых анархистов и «сторонников рабочих советов», которые имеют склонность к «спонтанности» и отрицанию любой организации, мы видим необходимость организованного проникновения революционеров на рабочие места и в сообщества. Например, в Великобритании мы могли бы поддержать тактику анархо-синдикалистов (Solidarity Federation), которые помогают сетям активистов в разных отраслях промышленности. Вместо того чтобы быть базой для

мигрантов (опыт Индустриальных Рабочих Мира хороший тому пример), в других странах синдикалистские союзы были основаны в торговой или ремесленной отрасли и объединяли высококвалифицированных ремесленников (например, ВКТ во Франции).

Политические меньшинства

Среди политических меньшинств, которых привлекал синдикалистский метод, были анархисты. Действительно, анархисты были среди самых ранних синдикалистских организаторов во многих странах, в частности, во Франции, Испании и Аргентине. Синдикалистское движение, конечно, привлекало многих анархистов, которые, увидев падение своего влияния в период «пропаганды героическими действиями» (1890-е), видели в синдикалистском боевом духе и в недоверии к парламентским методам «родной дом» для своей политики. В некоторых странах синдикалистские союзы управлялись идейными анархистами и везде анархистские активисты присоединялись к синдикалистским организациям. Но некоторые анархисты беспокоились об *отождествлении* анархизма с профсоюзным движением. Другие ставили под вопрос сам метод синдикализма. В Испании, где анархизм начал тесно отождествляться с синдикалистской Национальной Конфедерацией Труда (НКТ), часто разгоралась яростная полемика в течение 1890-х и 1910-х между анархо-коммунистами, объединившимися вокруг журнала «Tierra y Libertad», которые чувствовали, что синдикалистские методы по своему существу реформистские и являются шагом назад, и теми анархистами, которые верили, что синдикализм является проводником анархических идей в массы.

Среди главных критиков отождествления анархизма с синдикализмом был итальянский анархист Энрико Малатеста. В 1907 году, когда синдикалистское движение насчитывало самое большое число рабочих, включая анархистов — рабочих, Малатеста доказывал, что «синдикализм, несмотря на декларации большинства своих пылких сторонников, содержит по своей природе все элементы вырождения, которые разрушили рабочие движения прошлого. Фактически, будучи движением, которое предлагает защищать нынешние интересы рабочих, оно должно обязательно приспособиться к существующим условиям жизни» (*Les Temps Nouveaux*, 1907).

Другие анархистские активисты придерживались синдикалистских методов с серьёзными оговорками. Французский анархист, металлист Бенуа Лиотье выразил опасение, владевшее многими, что синдикализм имеет тенденцию вырождаться в экономизм, а, следовательно, и в реформизм. «Синдикализм не может быть революционным, если он не может быть политическим. . . нравится нам или нет, но экономическая борьба связана с политической борьбой» (*Archives Departmentales de la Loire*, 1914). Как многие анархисты его эпохи, в итоге Лиотье стал членом ВКТ.

То, что анархисты отождествлялись с синдикализмом и часто были на передовой в синдикалистских организациях, мало удивляет. Синдикализм на стадии становления, казалось, предложил тактику близкую к либертарной — прямое действие, ориентированное на повседневную борьбу рабочих. Рабочие-анархисты стремились быть там, где конфликты с начальниками (и, следовательно, с государством) достигали критической точки, так как отказ от синдикализма на этом историческом этапе для анархистов, бесспорно, означал бы изоляцию в будущем. Для многих анархистов любые возможные проблемы в

был незначительной силой на рабочем месте, уходя, таким образом, с пути, которым идут реформистские профсоюзы. Если он выберет последнее, он фактически перестает быть профсоюзом и становится (более или менее) революционной группой в пределах рабочего места. Можно сказать, что анархо-синдикалистский профсоюз является революционным (то есть действующей силой в классовой борьбе) тогда, когда он не действует как профсоюз.

Этот процесс можно чётко увидеть на примере Координации Докеров в Испании, координационного совета, возникшего в 1970-е. Хотя эта организация не была особенно анархо-синдикалистской (или, на самом деле, синдикалистской во всём), в её основе была анти-бюрократическая, анти-партийная, классовая и весьма «демократическая» структура, в которой участвовали члены НКТ. Рождённая в борьбе в портах и в широких слоях испанского рабочего класса, Координация была организована через массовые собрания, созданные чтобы быть примером постоянной «профсоюзной» организации, которая не поддастся бюрократизации, рутинизации и классовому сотрудничеству. Годами Координация была вовлечена в борьбу, которая поддерживала её боевой импульс, и вызывала восхищение либертарных революционеров. Когда её борьба стала постепенно сходить на нет, организация становилась всё менее и менее динамичной и всё больше и больше напоминала традиционный профсоюз, несмотря на героические усилия антикапиталистических активистов, состоявших в ней. Координация [докеров] — хороший пример того, что бюрократия это естественный побочный продукт экономической организации в периоды «поражения».

тянуться к роли посредника и в итоге подрывать независимую классовую борьбу. На самом деле, эта интеграция в капитализм обычно подвергается ожесточённым нападкам революционных активистов, часто с переменным успехом. Мы полагаем, что исторический опыт рабочего движения подтверждает это.

Как происходит это «вырождение»? Например, анархо-синдикалистские профсоюзы, как и все остальные профсоюзы, должны быть в состоянии получить «лучшие условия» для рабочих здесь и сейчас, иначе они останутся маленькими, чисто политическими организациями. Пока анархо-синдикалистский профсоюз остаётся маленьким и, что важно, непризнанным со стороны хозяина, организуя наиболее активных, обладающих классовым самосознанием рабочих, он может участвовать в несанкционированных акциях. Это сохраняет «революционный дух». В течение периода усиления классовой борьбы (пока его деятельность способствует этому) профсоюз набирает численность. Если он может благополучно привести забастовки, захваты и т. д. к победе, то сможет привлечь много членов. Это противоречит условиям, заставившим руководителей/менеджмент признать профсоюз, договариваться с ним. Если в этот момент анархо-синдикалистский профсоюз не ведёт переговоры, он теряет доверие большинства своих членов, поэтому он вынужден или представлять массу своих членов, или отказаться от участия в сложившейся ситуации. С тех пор как рабочие стали — в некоторый момент это одна из сторон революции — вести переговоры со своими хозяевами, не удивительно, что анархо-синдикалисты выбирают старые методы. Когда период напряжённой борьбы заканчивается, анархо-синдикалистский профсоюз сталкивается с выбором между выполнением приземлённой, повседневной работы, которую делают все остальные профсоюзы, и возвращением к тем временам, когда он

рамках синдикализма могли быть решены путем поощрения тенденции к антиполитизму (антиполитическое течение) и боевому духу. Это означало полное взаимодействие с синдикалистскими профсоюзами и рождение *анархо-синдикализма*. Многие из этих людей были свободны от идеи создания отдельных организаций анархистов и видели в синдикалистских союзах средства и цель анархической революции.

Некоторые анархисты выступали против такого «слияния» и поддерживали идею создания отдельной организации анархистов, которая работала бы одновременно внутри и вне синдикалистских союзов. Малатеста наряду с другими отстаивал такую тактику, как это делали и анархисты, которые стали известны в 1920-х как «Платформисты». Страх, который был вполне обоснованным, заключался в том, что в анархо-синдикализме возьмёт верх синдикалистское начало, что повредит чистым революционным перспективам, которое касаются всех аспектов жизни рабочего класса, а не только фабрик и мастерских.

Анархо- и революционный синдикализм

Отношения между анархо-синдикалистами и «революционными» синдикалистами в каждой стране строились по-разному. Многие «революционные» синдикалисты отрицали даже «анти-политическую» политику анархистов и видели в синдикализме форму и *содержание* революции. Они создали синдикалистскую *идеологию*, кульминационный момент которой должен был настать во время Всеобщей стачки, организованной синдикалистскими союзами, которая стала бы первым шагом к новому обществу. Для некоторых синдикалистов Все-

общая Стачка принимала едва ли не мифическое значение и заменила идею насильственной революции, которая считалась нереалистичной. Для многих «революционных» синдикалистских идеологов синдикалистский профсоюз заменил партию и отождествлялся со всем классом. Желание организовать *всех* рабочих вне зависимости от политических или религиозных убеждений привело к попыткам «революционных» синдикалистов изолировать анархо-синдикалистов, чтобы обратиться к рабочим, которые фактически оставались связанными с социал-демократией.

Несмотря на то, что антиполитизм привёл многих «революционных» синдикалистов к явной антигосударственности, он не остановил других от вхождения в альянс с «революционными» партиями и политиками. Хотя политика была нежеланной *внутри* синдикалистской организации, это не означало что «революционный» синдикализм не был вовлечен в политику.

Между тем итальянские «революционные» синдикалисты заигрывали с *крайним* национализмом с 1914 года, требуя, чтобы Италия вступила в империалистическую бойню (требование полностью было отвергнуто, к их большой чести, анархо-синдикалистами из Синдикалистского Союза Италии (Union Sindicale Italiana)) — это, возможно, самый наглядный из всех существующих пример синдикалистской политики альянсов с другими политическими течениями.

Например, в Норвегии довоенный «Революционный» синдикализм «*fagorposition*» (синдикалистская профсоюзная оппозиция) был тесно связан с левым крылом социал-демократии, несмотря на то, что в Соединенных Штатах индустриальные союзы (Североамериканский эквивалент синдикализма) Индустриальные Рабочие Мира (ИРМ) за первые три года своего существования (1905-1908) была расколота в открытой поли-

Самоорганизация рабочего класса и постоянные экономические организации

Большинство (но, к сожалению, далеко не все) анархо-синдикалистов согласились бы с АСФ, что существующие профсоюзы не являются средством социальной революции. Некоторые из них могут также согласиться с тем, что постоянные экономические организации (т.е. профсоюзы) имеют тенденцию к созданию бюрократических структур и форм управления, а также к интеграции в механизмы эксплуатации из-за их роли посредников или представителей. Тем не менее, они могли бы утверждать, что анархо-синдикалистский профсоюз — это одновременно и экономическая и идеологическая организация, которая устойчива от бюрократизма и кооптации. «Сознательные» анархисты внутри анархо-синдикалистских профсоюзов виделись как гарантия от «продажности» организации и как защитники неиерархических структур против разделения между рядовым составом и его представителями, препятствующие развитию слоёв с интересами, отличающимися от интересов остальных членов. Хотя эта идея «сознательного» анархистского меньшинства в профсоюзе была распространена в синдикалистском движении, она отвергалась многими «чистыми» синдикалистами.

Вырождение

Как бы то ни было, мы могли бы доказать, что все профсоюзы, вне зависимости от их политической ориентации (включая и анархо-коммунистические), имеют склонность неумолимо

Однако Организационная Платформа ничего не упомянула о функциях синдикализма или профсоюзного движения по этому вопросу. Опыт Движения Рабочих Советов в Германии и различных идей, которые вышли из этого движения, кажется, прошли мимо них.

В это время, японский анархо-коммунистический теоретик Хатта Сюдзе утверждал, что синдикализм, являясь отражением структуры индустриального капитализма, рискует скопировать иерархические социальные отношения, особенно через сохранение продолжающегося разделения труда.

Он утверждал, что, так как синдикалисты призывали, чтобы шахты управлялись шахтерами, сталелитейные заводы управлялись сталелитейщиками и т.д., то это разделение может закончиться реставрацией государства в качестве арбитра между конфликтующими интересами. Как он выразился: «В обществе, которое основано на разделении труда, у одних, вовлеченных в жизненно важное производство (так как это формирует основу производства), было бы больше власти над аппаратом координации, чем у других, вовлеченных в другие виды производства. Поэтому может быть реальная опасность появления классов». (Собрание сочинений: Анархистский Коммунизм. Токио, 1983)

Японские анархо-коммунисты выступали за возвращение к земле после успешной революции, в результате чего промышленные рабочие принесут все свои навыки и технологии обратно в деревни. В исторический период, когда преобладало сельское общество, и фабричные рабочие были все еще связаны, через семью, с землей, эта перспектива, возможно, имела некоторый смысл. Примитивисты, возьмите на заметку.

тической борьбе с Социалистической Американской Партией и Социалистической Рабочей Партией. В Ирландии синдикалистский «Ирландский транспортный и всерабочий профсоюз» был возглавлен людьми, которые или состояли в прошлом или еще являлись активистами социалистических партий и ирландского синдикализма, и, несмотря на свою воинственность, редко показывали антигосударственное и антипартийное чувство, характерное для других синдикалистских движений.

Часто «революционные» синдикалисты просто отличались более нетерпеливым темпераментом чем неповоротливый социализмом Второго Интернационала, который доминировал в левом движении, и не выступали непосредственно против «революционных» партий. Массовое дезертирство «революционных» синдикалистов в большевизм, в период, последовавший сразу после Русской Революции, свидетельствует об этом. Однако сотрудничество с буржуазией не ограничивалось только рамками аполитичного «революционного» крыла синдикализма. Интересным примером, когда анархо-синдикализм оказался по ту сторону баррикад в классовой борьбе за двадцать лет до позорного вхождения НКТ в испанское правительство, является опыт Мексики.

Мексиканская Революция — Каса дель Обреро Мундиаль

В течение первых двадцати лет XX века Мексика была захвачена революционными беспорядками. Различные «конституционные» (т.е. демократические) капиталистические фракции соперничали за власть во время попыток свержения диктатуры генерала Порфирио Диаса. Между тем Аграрное движение

(безземельных крестьян) Эмилиано Сапата и формирующегося городского рабочего класса пытались защитить свои интересы во время хаоса. Крестьяне занимались партизанской деятельностью против различных «революционных» правительств с целью возвращения и защиты земель коренного населения от помещиков. В период с 1906 по 1915 год Либеральная партия Мексики (Partido Liberal Mexicano, PLM) сыграла ведущую роль в попытке соединить крестьянское и пролетарское восстания. Изначально стоявшая на передовых левых либерально-демократических позициях, PLM под влиянием братьев Магон, превратилась в анархо-коммунистическую организацию с собственными партизанскими отрядами, которые участвовали в экспроприации земли в Нижней Калифорнии и руководили забастовками в Веракрусе и в прочих областях. PLM призвала к лозунгу «Tierra y Libertad» (Земля и Свобода), немедленной экспроприации землевладельцев и хозяев и упразднению государства.

В 1912 году был создан анархо-синдикалистский Casa del Obrero Mundial (Дом Рабочих Мира) и он быстро привлек городских рабочих Мехико в свои ряды. Тем не менее, в течение трех лет анархо-синдикалисты организовывали Красные Батальоны, чтобы оборонять мексиканское государство! Хотя Casa при создании обладала типичной антиполитической идеологией и желанием сконцентрироваться на экономической борьбе, но несколько факторов склонили Casa del Obrero поддержать одну буржуазную фракцию, Конституционалистские силы Венустиано Карранса против крестьян и их союзников из PLM. Во-первых, анархо-синдикалисты видели в *промышленных* рабочих организованный авангард социальной революции, несмотря на то, что они представляли ничтожное меньшинство работающего мексиканского населения. Они утверждали,

Часть 3 — Анархо-синдикализм и организации рабочей борьбы с точки зрения либертарного коммунизма

Анархистская критика синдикалистского метода, начиная с Малатесты, не обязательно происходила из антиорганизационной тенденции или симпатий к «марксизму». В Европе члены иммигрантской русской группы анархистов «Дело Труда» начали подвергать сомнению отождествление анархизма с синдикализмом и само отношение к синдикализму, которое исторически выбрали либертарианцы. Их «Организационная платформа либертарного коммунизма» (1926) описывала «революционный синдикализм» как «только одну из форм рабочей борьбы», которая сама по себе не являлась «определенной теорией». Они предположили, что анархо-синдикализм потерпел неудачу в «анархизации» профсоюзного движения, и что для того чтобы сделать это была необходима особая анархистская организация. Они также утверждали, что такая особая анархистская организация должна попытаться «иметь теоретическое влияние на все профсоюзы» так как «... если профсоюзное движение не найдет в анархистской теории поддержку в нужное время, оно переродится, нравятся ли нам это или нет, в идеологию этатистских партий». По большей части, последнее замечание можно считать верным, если брать во внимание такие факты, как эволюция французской ВКТ или массовое бегство синдикалистов в большевистскую партию.

что этот авангард должен быть развит и расширен настолько быстро насколько это возможно, и анархо-синдикалисты искали то, что должно было стать, по их мнению, лучшими условиями для этого. Во-вторых, анархо-синдикалисты считали крестьянское движение реакционным в своей сущности, склонным повернуть время вспять и отрицающим «достижения» в технологиях и понимание того, что принес капитализм. Они указывали на «религиозность» и общую «отсталость» сапатистов в качестве доказательства того, что они опасны для «передовых» групп рабочего класса. И наконец, самое главное то, что анархо-синдикалисты верили, что прогрессивное, демократическое буржуазное государство, которое давало *Casa* свободу организовываться (и на самом деле поощряло деятельность *Casa!*), должно быть защищено от «реакции», крестьян или от антиконституционалистов.

После того, как анархо-синдикалистские Красные Батальоны сыграли свою роль в «спасении» Мексиканского государства, случилось неизбежное. Весной 1916 года Конституционалистское правительство ополчилась на *Casa*, расформировало Красные Батальоны и насильно закрыло синдикаты после второй подряд Всеобщей стачки в том году. Отказ анархо-синдикалистов признать классовую природу государства, несмотря на всю их антигосударственность на словах, привел их к тому, чтобы выступить против искренних революционных движений.

Большевизация и «конец массового синдикализма»

Без сомнения то, что расцвет синдикализма имела место в период с (примерно) 1895-го по 1914-й. В этот период един-

ственным течением в рабочем движении на международном уровне, которое могло предложить альтернативу господствующей социал-демократии, был синдикализм. Конечно, можно утверждать, что синдикализм был социал-демократическим по содержанию, если не по форме.

Однако, несмотря на утверждения ленинистов об обратном, это был далеко не конец истории, и революционная волна, которая захлестнула мир после Русской Революции 1917 года, видела «возрождение» синдикализма, которое последовало после четырех лет мировой войны. Однако у синдикализма появилось два новых соперника — большевизм и коммунизм Советов или левый коммунизм.

Триумф большевизма в России вызвал шок повсюду в рабочем движении. В социал-демократических партиях везде развивались мнимые большевистские фракции. Эти фракции рано или поздно откололись от старых партий и образовали коммунистические партии, смоделированные по русскому образцу. Однако, многие самые первые коммунистические партии возникли из синдикалистских, анархо-синдикалистских и анархистских движений. ВКТ во Франции создала сильную коммунистическо-синдикалистскую фракцию; ИРМ в Соединенных Штатах был разрушен борьбой между твердолобыми членами индустриального союза и подающими надежды большевиками; многие выдающиеся британские довоенные синдикалисты, такие как Том Мэнн, тяготели к зарождающейся Коммунистической Партии. Впечатленные динамизмом большевизма и его явным разрывом с социал-демократией, бывшие синдикалисты входили в число первых членов таких коммунистических партий повсюду. Помимо всего, большевизм привлекал анархистов, не в последнюю очередь, потому что он ассоциировался с советами, которые, казалось, предложили

другие склоняются к защите традиционного, рабочистского взгляда на «построение (анархо-) синдикалистского профсоюза», как ответу на всё, и отрицают критику синдикалистского метода, считая ее «марксистской» или антиорганизационной.

вitiю ранее запрещенной НКТ. В Италии было восстановлено USI, и к концу 1970-х I.W.A. еще раз стал функционирующим Интернационалом, хотя и состоявшим главным образом из пропагандистских групп.

Синдикализм сегодня

С крахом Советского Союза, так называемых «социалистических» стран и с наступлением смертельного кризиса организованного сталинизма, анархистские идеи и формы организации испытали заметный рост, и не только в Восточной Европе, где часто анархисты — единственные представители «левого» движения любого размера. Сегодня анархистские и анархо-синдикалистские движения появляются в Африке, на Ближнем Востоке и Индийском субконтиненте — это те районы, где раньше никогда не было либертарной традиции.

Революционные и анархо-синдикалистские движения испытали самый значительный рост, и даже ряды Индустриальных Рабочих Мира снова (медленно) растут. Такое развитие событий, безусловно, приветствуется, так как оно отражает пробуждение революционного потенциала среди рабочего класса, но и тут существуют проблемы. Вопрос, который должен быть задан — «Действительно ли синдикалистский метод — путь вперед?» У анархистов, которые избрали синдикалистский путь, есть критические взгляды и некоторая потребность развивать новые способы организации и мышления. Некоторые чувствуют необходимость налаживать контакт с другими движениями рабочего класса, отличающимися от существующих структур, например, действия USI в COBAS (committees of the base, низовые комитеты). Некоторые решили «приспособить» синдикализм к местным сообществам и объединениям по интересам. Однако,

альтернативу государственной организации.

Рабочие Советы

Когда пришли новости, что на Родине Социализма не все так радужно, и как только Большевик попытался создать Третий Интернационал политических партий и Красный Международный Профсоюз под их строгим контролем, начали появляться разногласия. Однако многие из первых критиков Москвы не были синдикалистами, а были марксистами, ранее состоявшими в социалистических партиях. Эти активисты начали подвергать сомнению профсоюзную и парламентскую политику большевиков и близких к ним самозванцев. Такие группы как Рабочая Социалистическая Федерация в Британии, Коммунистическая Рабочая Партия Германии и подобные им «левые» коммунисты (то есть, левее Третьего Интернационала) видели в опыте революционных рабочих советов в России 1917-го и в Германии 1919-го ту форму, которая, как им казалось, даст толчок для новой борьбы. После того как они выступили против большевиков и пытались создать свой собственный Интернационал в 1921-ем (настоящий 4 Интернационал!), это политическое течение стало известно как коммунизм рабочих советов. Организации коммунистов рабочих советов были близки к массовым организациям только в Германии, несмотря на то, что они существовали также и таких странах как Голландия, Франция, Бельгия и Британия.

В тоже время международное синдикалистское движение начало реорганизовывать себя путем создания I.W.A. (-International Working Mens' Association, Международной Ассоциации Рабочих). В 1922-ом синдикалистское движение ещё могло порождать большие профсоюзы такие, как Unione

Sindicale Italiana (Союз Синдикалистов Италии, 500 000 членов), Confederacao Geral do Trabalho (Всеобщая Конфедерация Труда в Португалии, 150 000 членов) и Freie Arbeiter Union (Свободный Профсоюз Рабочих, 120 000 членов). В 1923-ем к ним присоединилась испанская Conferacion Nacional de Trabajo (Национальная Конфедерация Труда, НКТ). Однако в 1923 году начался ленинско-сталинский ледниковый период и появился фашизм, таким образом, синдикализм, по меньшей мере, ждал тяжелый период. В течение десяти лет остался только один массовый синдикалистский профсоюз — НКТ. Другие сократились до маленьких групп активистов, рассеянных в изгнании или живущих на полуподпольном положении. К 1936 все что осталось — это маленькие пропагандистские группы в разных странах, несколько малочисленных профсоюзов и 2 миллиона сильных членов НКТ, которым предстояло сыграть историческую роль в Испанской Гражданской войне и в Революции.

Во время Второй Мировой Войны и после

Поражение Испанской революции и разгром НКТ диктатурой Франко был тесно сопряжен со Второй Мировой Войной и временным упадком анархистского и революционного синдикализма. Глубина поражения, которую испытали либертарные революционеры, почти не постижима. Это обстоятельство заставило некоторых ведущих анархо-синдикалистов, таких как Рудольф Рокер, поддержать союзников против нацистской Германии, тогда как испанские анархисты, которые были в изгнании, воевали в рядах армий союзников с несколько наивной надеждой, что с поражением Италии и Германии, «фашистская» Испания будет «освобождена». Другие анархо-синдикалисты вели бесстрашную партизанскую войну против режима Франко, за что многие заплатились своими жизнями. Но после войны, синдикалистское движение было маргинализировано больше, чем когда-либо. Социальное демократическое соглашение набирало обороты в Западном Мире, и Холодная Война была ее высшей точкой. Синдикалистские и анархистские группы на протяжении 1950-ых и 1960-ых были малочисленны и состояли преимущественно из «носителей священного пламени», которое давало случайный толчок классовой борьбе. Положение стало меняться с подъемом классовой борьбы в Европе в конце 1960-х, особенно во время событий в 1968-ом во Франции и позднее в Италии. Медленно, но синдикалистские организации стали возрождаться, поскольку рабочие показывали заинтересованность в альтернативах сталинизму и социал-демократической жвачке. Смерть Франко в 1976 году и «демократизация» Испании способствовали ускоренному раз-

попытками ленинистов «большевизировать» профсоюзы, в 1927-ом испанские анархисты основали отдельную организацию анархистов — Федерацию Анархистов Иберии (ФАИ). ФАИ должна была работать, главным образом, внутри НКТ, чтобы усилить ее либертарную ориентацию, но на деле существовала как отдельная организация со своей собственным печатным органом и со своей организационной культурой. ФАИ рассматривала НКТ как главное средство к либертарной коммунистической революции, и члены ФАИ обычно были самыми яркими бойцами НКТ. Около 1936 года НКТ и ФАИ были — вместе с Либертарной Молодежью — составными частями того, что называлось либертарным движением. Огромное большинство ФАИ поддержало вхождение НКТ в правительство, и в самом деле, «анархистский» Министр юстиции Гарсия Оливер рассматривался как особо бескомпромиссный член ФАИ. Сравнительно немного анархистов отклонили такое предательское сотрудничество, и ещё меньше — предложили альтернативу. Самой последовательной из всех была группа, известная как Друзья Дуррути, активисты НКТ и ФАИ, кто понимал, что участие «анархистов» в правительстве является непростительной ошибкой, и что фактически революция была эффективно свернута теми силами, от которых ожидали, что они возглавят её. По их мнению «демократия победила испанцев, а не фашизм» (смотри острополюемическую брошюру «Навстречу Новой Революции», где опубликованы материалы Друзей Дуррути). Мы можем — вместе с Друзьями Дуррути — констатировать, что аполитичный анархизм в Испании потерпел поражение, — тот, который верил, что Государство и политическую власть можно проигнорировать, вместо того чтобы разбить и заменить властью рабочего класса.

Часть 2 — Испанская Революция — Конец Анархизма?

К 1936 и анархистское и синдикалистское движения оказались, если не в изгнании и не в подполье, то организационным меньшинством. Жертвы двойного нападения — капиталистического государства и большевизма — ИРМ сократились до того, что стали тенью своей прежней силы; самые крупные отделения Международной Ассоциации Рабочих (International Working Mens' Association), за исключением испанской НКТ, были фактически разгромлены фашизмом, маргинализировались или скатились к реформизму (например, шведская организация Рабочий Центра — Workers Central (шведская аббревиатура — SAC).

Голос отдельных анархистских организаций, которые еще действовали, всё больше заглушался лживым шумом сталинизма, а их маргинализация нашла отражение в общем политическом поражении рабочего класса в период между двумя мировыми войнами. Итак, когда в июле 1936-го в Испании разразились Гражданская война и Революция, все надежды либертарных революционеров были сосредоточены на событиях в Испании и на действиях, совершенных испанским рабочим классом.

Испанская Революция

Ситуация в Испании была исключительной, поскольку организованный сталинизм был маргинальным и имел маленькое влияние на рабочий класс вплоть до 1936 года. Скорее, анар-

хисты и анархо-синдикалисты составляли единственную вероятную альтернативу социал-демократам из Partido Socialista Obrero (Испанская Социалистическая Рабочая Партия). PSO могла совмещать революционную риторику и чистейшую реформистскую и конституционную практику, и разногласия в испанском рабочем классе могли быть сильно растянуты между революционным либертаризмом (анархисты и НКТ) и реформистским авторитаризмом (PSO и профсоюз Union General de Trabajadores). Когда реакционные военные, возглавляемые генералом Франко, 19 июля 1936 года восстали против буржуазной республики, ответом правительства было бездействие, пока рабочие из НКТ не стали первыми, кто стал использовать вооруженное сопротивление.

Во многих важных центрах и сельских местностях, где попытка переворота провалилась или военные остались лояльными к Республике, либертарное рабочее движение, которое фактически захватило самые важные инициативы, являлось хозяином ситуации. Рядовые члены НКТ и другие, вдохновлённые возможностью освобождения, начали коллективизацию фабрик и земли, которая, учитывая обстоятельства, не могла привести к либертарному коммунизму, но показала творческий и организационный потенциал рабочего класса.

Однако к концу года представители НКТ взяли места в Республиканском правительстве и фактически отменили классовую войну в пользу «антифашистского союза» ради победы в войне. Прежде очень маленькая Испанская коммунистическая партия стала основным правительственным игроком, коллективы и организации рабочей милиции стали подвергаться атакам, и революция оказалась задушенной в зародыше. Ответом тех, кто желал продолжать дело революции, было восстание «Первого Мая» в 1937 году в Барселоне — это был результат

другой провокации, на этот раз сталинистов, против рабочих НКТ на телефонной станции. Рабочие вновь боролись за контроль над улицами, только на этот раз они оказались преданы руководством НКТ.

Провал анархистов

Из-за действий НКТ по присоединению к правительству ленинисты (которые сами, не колеблясь, присоединятся к любому правительству) часто бросали анархистам обвинения в предательстве революции. Обычно это преподносится в качестве свидетельства «Конца Анархизма» как революционной теории/движения. Конечно, испанский опыт действительно означает конец определенного типа анархизма. Но вина за классовое сотрудничество и предательство не может быть просто возложена на НКТ. В конце концов, несмотря на давние устоявшиеся отношения профсоюза с анархизмом, он оставался союзом, структуры которого развили собственную автономию и бюрократию, у которой была собственная жизнь, независимо от ее демократической природы. Склонность профсоюзов к реформизму и слиянию выявилась в 1920-е, когда появилась тенденция, которая выступала против влияния анархизма на профсоюзы. В 1931 году это привело к расколу и созданию умеренной анархо-синдикалистской «профсоюзной оппозиции». В конце концов, некоторые из этих «умеренных элементов» вступили в парламентаристскую, реформистскую Синдикалистскую Партию.

ФАИ

Находясь в оппозиции этой тенденции и более ранним